

Т.И. Ульянкина
 Институт истории естествознания и техники
 им. С.И. Вавилова РАН

К 100-ЛЕТИЮ РУССКОГО ИСХОДА: СТАТИСТИКА, ДИНАМИКА И ГЕОГРАФИЯ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ НАУЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ

Статья посвящена социальному портрету «первой волны» русской научной эмиграции и судьбам ученых-эмигрантов, работавших в течение многих лет XX века на процветание таких стран, как Франция, Германия, Чехословакия, Югославия, Соединенные Штаты Америки и других. Внимание сконцентрировано в основном на научной элите, ученых, ставших признанными лидерами мировой науки, представителях новых научных направлений и отраслей промышленности.

По предварительным подсчетам в составе первой волны было зарегистрировано 1612 ученых, преподавателей университетов и высших технических школ, в том числе четверть среднесписочного состава действительных членов бывшей Императорской Академии Наук. Петербуржцы и москвичи, как и бывшая элита царской России, занимали вершину социальной пирамиды русской диаспоры, оставаясь, тем не менее, «е влиятельным меньшинством». Но именно они сыграли важную роль, воссоздав за рубежом социальную структуру многих организаций дореволюционной России. В статье описаны основные географические (транзитные) пути исхода ученых из России. Не забыты и ученые, принудительно высланные из страны по административному решению ГПУ (осень 1922 г.), а также «невозвращенцы».

«Первая» волна русской эмиграции, научная элита, русская диаспора, административная высылка, «невозвращенцы».

Первая волна русской эмиграции (ее альтернативное название – «белая» или «послеоктябрьская», временные рамки – 1917–1939 гг.) состояла из наиболее культурных и патриотически настроенных слоев российского дореволюционного общества с непропорционально большой долей военных, принадлежащих к Белым армиям. По своему вкладу в мировую науку, культуру и искусство эта волна стала беспрецедентным социокультурным явлением: ее представители не только сохранили, но и приумножили за рубежом многие традиции русской культуры. «Именно ими был создан “материк”, не обозначенный ни на одной карте мира, с названием “Русское Зарубежье”», – писал историк А.В. Окорочков [1, с. 42]. Социальный состав эмиграции первой волны отражает информация, собранная в 1922 г. в Варне (Болгария): уезжали преимущественно: русские (95,2%), мужчины (73,3%), среднего возраста – от 17 до 55 лет (85%), образованные (54,2%) [1, с. 107]. Географически первая волна была направлена, прежде всего, в страны Западной Европы и основными ее центрами стали Берлин, Париж, Прага, Белград, София. Значительная часть ее также осела в Харбине и в Константинополе, а позже – в Австралии, Южной Америке, Африке. Предполагаемые масштабы первой волны варьируют от 1,5 до 3,0 млн русских, покинувших Россию добровольно или принудительно. Официально в среде этой волны было зарегистрировано 1612 ученых, преподавателей университетов и высших технических школ, в том числе, четверть среднесписочного состава действительных членов бывшей Императорской Российской Академии Наук [2].

Международная правовая защита русских беженцев

Благодаря высокому международному авторитету лидеров первой волны в Европе достаточно быстро были сформированы международные институты по правовой защите русских беженцев. 27 июня 1921 г. под эгидой Лиги Наций был создан Верховный комиссариат по делам русских беженцев во главе с Фритьофом Нансеном (1861–1930), норвежским океанографом, биологом, географом, на которого была возложена задача ликвидации русского беженства. Но вернуть в Россию удалось всего 2% покинувших родину россиян (около десяти тыс. человек) [3, с. 15]. После неудач с репатриацией Лига Наций приняла решение о расселении русских эмигрантов как бесподданных (т.е. людей без родины или апатридов), а акцент в решении русской проблемы она сместила в сторону юридического урегулирования личного статуса эмигрантов и улучшения их положения. Вскоре эмигрантов поставили вне закона. Указом от 15 декабря 1921 г. «О лишении прав гражданства некоторых лиц, находящихся за границей» большевики пообещали лишить гражданства всех тех, кто не возьмет советский паспорт к 1 июня 1922 г. [3, с. 49]. В 1922 г. Лига Наций стала выдавать русским беженцам идентификационные документы, а в 1924 г. ввела удостоверение, названное «нансеновским паспортом», заменившим русским их международные и национальные паспорта. Он не мог быть выдан лицам, легально выехавшим из РСФСР, и терял силу, если эмигрант отправлялся на территорию Советской России [3, с. 14].

К началу 1930-х нансеновский паспорт был одобрен 51 государством. Советский Союз после вступления в Лигу Наций (1934) не признавал нансеновский паспорт, «выданный русским контрреволюционером», и запрещал въезд в Союз лицам, имеющим его [3, с. 15].

Динамика и география выезда

Выезд из России за границу можно было реально осуществить в достаточно короткие сроки – с конца 1917 до середины 1919 гг., а также в период НЭПа: в 1921–1923 гг., когда была до минимума упрощена процедура оформления выезда за рубеж. По данным К. Гусефф, сразу же после октябрьского переворота (конец 1917 – начало 1918 гг.) из России эмигрировало минимальное число россиян – всего 7%, тогда как более 75% покинуло Советскую Россию в конце Гражданской войны в 1919–1920 гг., и только 10% выехало в 1922–1925 гг. [4, с. 27]. Принятое в июне 1925 г. «Положение о въезде и выезде из СССР» окончательно опустило «железный занавес». Эмиграция приобрела идеологическую окраску и стала синонимом предательства и измены Родине.

Южное направление. Таврический университет в Симферополе

С началом Гражданской войны многие ученые и преподаватели высшей школы уезжали на Юг России, который они воспринимали как «зону, свободную от большевиков», где они намеревались переждать смутное время. Особую роль здесь сыграл новый Таврический университет в Симферополе (1917–1920), открытый 14 октября 1918 г. В начале 1920 г. здесь работали семь академиков, четыре член-корреспондента и свыше ста профессоров. В списке профессоров Таврического университета можно найти имена будущих эмигрантов: геолог-почвовед В.К. Агафонов (1863–1955), правовед Н.Н. Алексеев (1879–1964), геолог, академик, президент Таврической Научной Ассоциации Н.И. Андрусов (1861–1924), историк Г.В. Вернадский (1887–1973), философ и богослов С.Н. Булгаков (1871–1944), ученый-агроном С.С. Крым (Нейман) (1868–1936), биолог С.И. Метальников (1870–1946), патолог, бактериолог В.Г. Коренчевский (1880–1961?), филолог В.А. Розов, астроном О.Л. Струве (1897–1963), юрист Ф.В. Тарановский, философ Л.И. Шестов (1866–1938) и др. [5].

Ректором Таврического университета был избран анатом, профессор, декан медицинского факультета университета Роман Иванович Гельвиг (1873–1920). 2 октября 1920 г. он неожиданно скончался от сыпного тифа в возрасте 47 лет, и уже 10 октября 1920 г. пост ректора перешел (всего на три месяца) к академику Владимиру Ивановичу Вернадскому (1863–1945) [6, с. 35]. Политическая ситуация в Крыму быстро и радикально менялась: 28 октября 1920 г. Красная армия начала наступление, и в связи с очевидным и необратимым поражением Белой армии, генерал П.Н. Врангель отдал распоряжение об организации эвакуации 140 тыс. военных и гражданских лиц из всех Крымских портов в Константинополь. Вместе с П.Н. Врангелем Крым покинул проф. Военно-медицинской академии В.А. Юревич (1872–1963), кото-

рый был личным врачом генерала и консультантом по инфекционным болезням в его Добровольческой армии. На французском корабле «Вальдек Руссо» покинул Россию проф. С.И. Метальников, сумевший в последний момент получить пропуск во французской миссии Севастополя. Сын В.И. Вернадского – историк Г.В. Вернадский с семьей покинул Крым за два дня до эвакуации (12 ноября 1920 г.) на пароходе «Рион». Тогда же из Крыма уехали астроном О.Л. Струве и заведующий кафедрой физической географии Таврического университета, профессор В.К. Агафонов; с этим же потоком ушел будущий химик Г.Б. Кистяковский (1900–1982), сражавшийся в рядах Добровольческой армии на Юге России, будущий советник президента США Д. Эйзенхауэра (с 1961) по научным вопросам.

Из Одессы через Константинополь и греческий город Салоник в КСХС (с 1929 – Югославия) на британском судне эмигрировал с семьей ректор Киевского университета св. Владимира Е.В. Спекторский (1875–1951) – юрист, философ, социолог, историк. 6 февраля 1920 г. из Новороссийска в Константинополь выехал инженер кораблестроитель В.И. Юркевич (1885–1964). В Турции он задержался на два года, проработав на судостроительной верфи Асаф-Бей, а затем перебрался в Париж.

Вопрос о выезде в те или иные европейские страны для преподавателей высшей школы и ученых решался уже в Константинополе. Здесь, благодаря усилиям Нансеновского комитета, были выявлены вакансии и производилась запись желающих выехать на работу в некоторые европейские университеты. Через Севастополь в Константинополь, а затем в КСХС эмигрировал С.П. Тимошенко (1878–1972) – ученый в области прикладной механики. Он вспоминал: «Чтобы выехать из Севастополя нужно было иметь разрешение французских оккупационных властей. Те же власти занимались распределением мест в отходящих в Константинополь пароходах» [7, с. 183]. К счастью, у С.П. Тимошенко с собой оказалось удостоверение Общества французских инженеров. «Эффект был неожиданный. Консул переменял тон и выдал разрешение на паромное место не только мне, но и моим спутникам и их семьям. Всего мы получили одиннадцать разрешений» [7, с. 184]. Крымская эвакуация генерала Врангеля была самой массовой. Численность этого потока, длившегося с 25 ноября 1920 г. до середины января 1921 г., составила 21 тыс. 343 человека.

Западное направление

Это направление связано с отступлением в 1919 г. войск генерала Н.Н. Юденича (1862–1933) и бегства из России в сторону ближайших западных границ России нескольких тысяч гражданских лиц [3, с. 74–75]. В январе 1919 г. жители Петрограда покидали Россию через польскую границу и другие западные транзитные территории бывшей империи (например румынскую Бессарабию). Так, в Варшаву смог выехать филолог Петроградского университета Ф.Ф. Зелинский, бессменный профессор кафедры энциклопедии и философии права Л.И. Петражицкий (1867–1931), профессор богословия, культуролог Н.С. Арсеньев (1888–1977). Через Варшаву во Францию эмигри-

ровал врач-радиобиолог и иммунолог И.И. Манухин (1882–1958). В 1922 г. через Финляндию в США нелегально эмигрировал А.А. Максимов (1874–1928) – гистолог, член-корреспондент РАН (1920), профессор Военно-медицинской академии. В Финляндию из Петрограда в 1918 г. бежал П.Б. Струве. В Данию через латвийскую и финскую границы нелегально бежал выдающийся математик, ректор Пермского университета (с 1919) А.С. Безикович (1891–1970) [8, с. 71–73]. В 1924 г. он получил стипендию Рокфеллеровского фонда для научных исследований за рубежом. Несмотря на блестящие отзывы западных коллег, большевики запретили ему официальный выезд из страны, тогда ученый решился на бегство. В конце 1924 г. также нелегально перешел латвийскую границу математик Я.Д. Тамаркин (1888–1945), председатель Петроградского физико-математического общества (с 1921). Накануне у него появился страх голодной смерти, т.к. за последние годы он похудел на 40 кг. В марте 1925 г. он переехал в Америку [8, с. 620–621].

Дальневосточное направление

Третий путь «русского исхода» шел через Дальний Восток (Азиатско-Тихоокеанский регион), главным образом в города и провинции Китая (Харбин, Шанхай, Маньчжурию, Циндао, Тяньцзинь). Позже часть представителей этого потока переехала в Австралию, а другая – перебравшись через океан в США, преимущественно в Нью-Йорк, Бостон, Южную Америку и др. [9] 6 июня 1917 г. через Владивосток в Вашингтон (США) в составе Чрезвычайной миссии Временного правительства выехала под руководством петроградского ученого в области гидродинамики Б.А. Бахметева (1880–1951) большая группа отечественных ученых из 38 человек, а также деятели разных министерств. В задачу Миссии входило получение займов и обеспечение рационального выполнения заказов на военную и сельскохозяйственную технику.

Северное морское направление

Четвертое направление русского беженства шло через Северный морской путь и г. Архангельск. В октябре-ноябре 1918 г. город был оккупирован войсками Антанты, сюда же перебрались из Петрограда посольства государств, не признавших власть большевиков. Через Северный морской путь в свою командировку выехал из России В.К. Зворыкин (1889–1982) – ученый в области электроники, изобретатель [10].

Административная высылка 1922 г.

10 августа 1922 г. ВЦИК издал декрет «Об административной высылке лиц, признаваемых социально опасными», а в ночь с 16 по 17 августа 1922 г. и Москве и Петрограде было арестовано более ста известных представителей русской культуры, науки и преподавателей высшей школы. Операция на Украине была перенесена на день позже: она проходила в ночь с 17 на 18 августа. Всего по списку высылке подлежали 217 «активных контрреволюционных элементов» из среды «неудобной» большевикам интеллигенции: 67 человек из Москвы, 53 – из Петрограда, 77 – с Украины (Киева и Одессы), не считая членов их се-

мей [11, с. 301]. Поскольку среди «несговорчивых», «неисправимых» и «инакомыслящих» численностью выделялись философы: Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, И. Ильин, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский и др., возникло нарицательное словосочетание – «философский пароход», под именем которого беспрецедентная акция по депортации инакомыслящей оппозиции вошла в историю.

Невозвращенцы

Достаточно большую группу эмигрантов из России составили те ученые, а также занимавшие высокие посты советские и партийные работники, которые не вернулись в Россию из научных командировок. Академик-химик Павел Иванович Вальден (1863–1957) в августе 1919 г. выехал из РСФСР в Германию в служебную командировку, из которой не вернулся; в октябре 1919 он был избран профессором неорганической химии Ростовского университета, где проработал до выхода на пенсию (1934) [8, с. 128–131]. «Невозвращенцем» был и выдающийся химик мирового уровня Владимир Николаевич Ипатьев (1867–1952), генерал майор, академик ИРАН (с 1916). В июне 1930 г. он вместе с женой выехал в Берлин для участия во Втором Международном энергетическом конгрессе, после чего получил разрешение остаться на лечение сроком на год. 29 декабря 1936 решением Общего собрания Ипатьев был исключен из состава АН СССР; 5 января 1937 постановлением ЦИК СССР он лишен советского гражданства – ему навсегда был запрещен въезд в СССР. Часть его ближайших учеников подверглось репрессиям [8, с. 271–275]. Осенью 1933 г. физик Георгий Антонович Гамов (1904–1968) с женой выехали в составе советской делегации на Сольевский конгресс в Брюсселе. На запрос Гамова ленинградскому начальству о продлении его зарубежной командировки на один год разрешения получено не было. Осенью 1934 г. Гамов начинает работать в области теоретической и квантовой физики в США [8, с. 72–89]. «Невозвращенцем поневоле» стал и выдающийся биолог-эволюционист, генетик Феодосий Григорьевич Добржанский (1900–1975). В 1927 г., работая на кафедре генетики Ленинградского университета, Добржанский получил стипендию фонда Рокфеллера, и уже в декабре 1927 он уехал в США на годичную стажировку во всемирно известную лабораторию Т.Г. Моргана в Калифорнийском технологическом институте. За это время в СССР работы по избранной им специальности были свернуты, поэтому, следуя настойчивым советам своего учителя Ю.А. Филипченко, ученый остался в США [8, с. 136–146].

В СССР долгие годы от широкой общественности были скрыты факты, которые могли бы внушать гордость за соотечественников, сумевших утвердить высокий авторитет российской науки в непростых условиях эмиграции. Мало кто знал, например, что становление самолето- и вертолетостроения в США неразрывно связано с именами большой группы представителей российской авиационной науки и техники: И.И. Сикорского, Б.В. Сергиевского, Г.А. Ботезата, М.Е. и С.Е. Глухаревых, Я.Д. Акермана, Н.Н. Александра, И.А. Сикорского, А.М. Никольского, В.В. Утгофа, А.Н. Прокофьева-Северского, М.Л. Григорашви-

ли, А.М. Картвели, Б.В. Корвин-Круковского, М. Струкова, К.Л. Захарченко, И.И. Ислямова, М. Грегора, Н. Гладкевича, В.Р. Качинского, Р.В. Рыльского, И.И. Диля, В. Иванова, В. Кудрявцева, Л. Лапина, Б. Лабенского, Н. Соловьева и др. [12]. Заканчивая обзор, следует подчеркнуть, что Россия, по-видимому, была одной из первых стран в мире, которая в начале XX века пережила чудовищную по своим масштабам «утечку умов», негативно повлиявшую на качество и темпы ее экономического и культурного развития.

Литература

1. Ионцев, В.А. Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. Огороков; под ред. А.А. Бондарева. – Москва: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. – 536 с.
2. Иванов, А. К 250-летию Академии наук. Императорская академия наук на рубеже XIX–XX столетий / А. Иванов // Новый журнал. – 1974. – Кн. 116. – С. 284–297.
3. Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е гг. – Санкт-Петербург: Сударья, 2006. – 353 с.
4. Гусефф, К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы) / К. Гусефф; пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байсвенгер. – Москва: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

5. Ульянкина, Т.И. К вопросу о раннем периоде деятельности Таврического университета в Симферополе (1917–1921) / Т.И. Ульянкина // История медицины. – 2014. – № 2 (2). – С. 102–111.

6. Филимонов, С.Б. Интеллигенция в Крыму (1917–1920): поиски и находки источниковеда / С.Б. Филимонов. – Симферополь: ЧерноморПресс, 2006. – 232 с.

7. Тимошенко, С. Воспоминания / С. Тимошенко. – Киев: Наукова думка, 1993. – 424 с.

8. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в. Энциклопедический биографический словарь / под общей ред. В.В. Шелохаева. – Москва: РОССПЭН, 1997. – 1698 с.

9. Хисамуттдинов, А.А. Российская эмиграция в Азиатско-тихоокеанском регионе и Южной Америке. Библиографический словарь / А.А. Хисамуттдинов. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2000. – 384 с.

10. Борисов, В.П. Зворыкин / В.П. Борисов. – Москва: Молодая гвардия, 2013. – 221 с.

11. Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923 / вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова. – Москва: Русский путь, 2005. – 544 с.

12. Михеев, В. Русские крылья Америки / В. Михеев // Авиасалоны мира. – 2001. – № 6. – С. 64–69.

T.I. Ul'yankina

TO THE 100th ANNIVERSARY OF 'RUSSIAN EXODUS': STATISTICS, DYNAMICS, AND GEOGRAPHY OF THE 'FIRST WAVE' OF RUSSIAN SCIENTIFIC EMIGRATION

The paper is devoted to the social portrait of the 'first wave' of Russian scientific emigration and the fate of emigrant scholars, who worked for many years of the 20th century on the prosperity of such countries as France, Germany, Czechoslovakia, Yugoslavia, the United States of America and others. The research deals mostly with the scientific elite, who have become recognized leaders of the world science, and representatives of new scientific trends and industries.

According to preliminary calculations, in the 'first wave' of Russian scientific emigration, there were 1612 scientists, academic staff of universities and higher technical schools, including a quarter of the average number of active members of the former Imperial Academy of Sciences. The scientists from St. Petersburg and Moscow, as well as the former elite of tsarist Russia, occupied the apex of the social pyramid of the Russian diaspora, while remaining its influential minority. Nevertheless, they played an important role in the recreation of the social structure of many institutions of pre-revolutionary Russia. The article describes the main geographical (transit) ways of the 'exodus' of scientists from Russia, as well as 'defectors' and academics who were forcibly deported from the country on the administrative decision of the State Political Directorate (in autumn of 1922).

'First wave' of Russian emigration, scientific elite, Russian diaspora, administrative expulsion, 'defectors'.